ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2024. Том 17. Выпуск 12 | 2024. Volume 17. Issue 12
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Поэзия Х.-М. Дзуццати в русскоязычных переводах Б. Ш. Окуджавы: проблема репрезентации формы и содержания

Дзапарова Е. Б.

Аннотация. Цель исследования заключается в определении основного переводческого метода, использованного известным русским поэтом Б. Окуджавой при переводе поэтических произведений Х.-М. Дзуццати. Научная новизна заключается в том, что впервые на материале русскоязычных переводов Х.-М. Дзуццати продемонстрированы возможности отражения компонентов поэтического произведения (идеи, образы, композиция и т. д.). Полученные результаты показали применение переводчиком различных переводческих трансформаций, основными из которых являются лексические, синтаксические преобразования исходного текста, синтез свободного и адекватного подходов, в переводе отдельных стихотворений отмечается доминирование собственного восприятия художественной действительности, показ своего поэтического мира. Разнится с некоторыми оригинальными стихотворениями и представленная в русскоязычных вариантах структура. Стихотворения, лишенные в подлиннике рифмы, в переводе сплетаются созвучием окончаний строк, что в целом придает им дополнительную мелодичность. С другой стороны, наблюдаемое в творчестве Х.-М. Дзуццати сочетание традиционного стиха (рифма, ритм, строфическое членение) со свободным характерно и для переводов. Часто используемый автором рваный ритм стиха и ломаные строки находят свое адекватное графическое отражение у Б. Окуджавы.

EN

The poetry of Kh.-M. Dzuttsati in Russian translations by B. Sh. Okudzhava: The problem of representing form and content

E. B. Dzaparova

Abstract. The research aims to determine the primary translation method employed by the renowned Russian poet B. Okudzhava in translating the poetic works of Kh.-M. Dzuttsati. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, the possibilities of reflecting the components of a poetic work (ideas, images, composition, etc.) are demonstrated using the material of Russian-language translations of Kh.-M. Dzuttsati. The results obtained revealed the translator's application of various translation transformations, the main ones being lexical and syntactic transformations of the source text, a synthesis of free and adequate approaches. In the translation of individual poems, the dominance of the translator's own perception of artistic reality and the portrayal of his own poetic world are noted. The structure presented in the Russian-language versions also differs from some of the original poems. Poems lacking rhyme in the original are intertwined with consonance in the endings of lines in the translation, which generally gives them additional melodiousness. On the other hand, the combination of traditional verse (rhyme, rhythm, stanzaic division) with free verse, observed in the works of Kh.-M. Dzuttsati, is also characteristic of the translations. Broken rhythm and fragmented lines frequently used by the author find their adequate graphic reflection in B. Okudzhava's work.

Введение

Вопросы художественного перевода активно разрабатываются современным литературоведением в рамках осмысления межкультурных связей того или иного народа, степени включенности его художественной словесности в общелитературный контекст. Посредством перевода осуществляется и осмысление творческого диалога автора с переводчиком в рамках одного текста. Несмотря на достаточную разработанность частных проблем художественного перевода, актуальность представляют рассматриваемые в настоящей статье вопросы отражения в переводном тексте образности оригинала, особой поэтической формы и в целом чужой художественной картины мира. Актуальность предпринятого исследования обусловлена и необходимостью изучения художественного перевода в аспекте сохранения коммуникативно-прагматического потенциала

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20240685

© 2024 Авторы. © 2024 ООО Издательство «Грамота» (© 2024 The Authors. © 2024 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

подлинника, за счет чего достигается его адекватное эстетическое восприятие реципиентом. В исследовании впервые рассматривается переводческое наследие Б. Ш. Окуджавы из осетинской поэзии, изучен его метод перевода, в котором видится контаминация свободного и адекватного подходов. Данное исследование способствует дальнейшему интересу к творчеству поэта в сфере поэтического перевода из других языков. Актуальность предпринятого исследования объясняется и востребованностью решения переводческих проблем на примере творчества одного из самых известных поэтов-бардов XX века в контексте векового юбилея автора, отмечаемого литературной общественностью в этом году.

Для достижения этой цели необходимо было решить ряд задач: описать переводческие трансформации, используемые в процессе вторичного текстообразования; охарактеризовать качество переводов на уровне передачи содержания, формальных особенностей поэтического текста; проследить способы воспроизведения структурных элементов текста, семантики переводных единиц.

Материалом для исследования послужили поэтические произведения Х.-М. Дзуццати на осетинском и русском языках, вышедшие в следующих изданиях:

- Антология литературы народов Северного Кавказа: в 5 т. Пятигорск: ПГЛУ, 2003. Т. 1. Поэзия.
- Антология литературы народов Северного Кавказа: в 5 т. Изд-е 2-е, перераб. и доп. Пятигорск: ПГЛУ, 2022. Т. 1. Поэзия.
- Дзудцов Х.-М. Ветер времени: стихи / пер. с осет. М.: Советский писатель, 1960.
- Дзуццати Х.-М. Пляска дождя: стихи / пер. с осет. М.: Советский писатель, 1964.
- Дзуццаты Х.-М. Арвистон (Избранное). Цхинвал, 2020.
- Дзуццаты Х.-М. Къæвдайы кафт (Пляска дождя). Цхинвал, 1962.

Теоретической базой исследования являются труды отечественных исследователей по проблемам художественного перевода и интерпретации поэтического текста. Исследование опирается на общетеоретические вопросы и частные проблемы переводоведения, освещаемые в трудах Ю. П. Солодуба, Ф. Б. Альбрехта, А. Ю. Кузнецова (2005), Н. Е. Никоновой (2008), работы по интерпретации переводческого наследия Б. Окуджавы с других языков (Оскоцкий, 2007; Бернардини, 2013; Назаров, 2012; Чайковский, 1997) и переводов поэзии самого поэта-барда на английский язык (Гущина, 2020; Сычева, Ковынева, 2021), научные изыскания, рассматривающие основополагающие тенденции развития поэтической мысли Осетии (Мамиева, 2016), представляющие композиционно-структурный анализ лирического произведения (Петрова, 2011).

Основным методом исследования выступает сравнительно-сопоставительный анализ разноязычных текстов на формальном и содержательном уровне, в ходе которого выявляются ключевые переводческие решения в преодолении Б. Окуджавой трудностей, связанных со спецификой осетинского языка; типологический метод, позволивший рассмотреть общие закономерности функционирования художественного текста в исходной и принимающей культурах, реализацию в переводе интенций автора.

Практическая значимость исследования состоит в том, что представленные в статье результаты могут быть использованы при дальнейшем изучении в осетинском литературоведении путей становления и развития художественного (поэтического) перевода, при чтении основ теории и практики художественного перевода в вузовском преподавании.

Обсуждение и результаты

Дзуццати Хадзы-Мурат Аранбекович (1935-2000) – поэт, публицист, переводчик, литературовед, лауреат премии им. К. Л. Хетагурова (Республика Южная Осетия, 1988, присуждена за сборник критических статей «Время и литература») – вошел в осетинскую литературу во второй половине 1950-х годов. Уже с первыми литературными опытами заметен поиск молодым автором индивидуальной манеры, непохожего на других поэтического стиля, сочетавшего традиционные приемы сложения стиха с новаторскими – прозаизированная лирика сменяется рифмованной, произведения отличают своеобразный синтаксис, отсутствие строфики, рваный стих и пр. Строгая гражданская позиция в сочетании с художественным талантом позволяли Х.-М. Дзуццати в творчестве реализовывать свою поэтическую концепцию, авторскую систему ценностей – эстетических, морально-нравственных.

На становление Дзуццати-поэта огромное влияние оказали годы учебы в Литературном институте им. А. М. Горького. Его окружение, которое состояло из педагогов, известных литературных деятелей М. Светлова, А. Фадеева, Н. Тихонова, сокурсников, будущих ярких представителей русской поэзии второй половины XX – начала XXI века Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, Р. Рождественского, повлияло на формирование его поэтического миросозерцания.

Творческий путь Х.-М. Дзуццати складывался удачно: поступление в 1952 году в Литинститут, появление в бытность студентом первого поэтического сборника «*Фыццаг ныхас*» («Первое слово»), выход в 1960 году в Москве в переводе на русский язык сборника стихотворений «*Ветер времени*», прием в 26-летнем возрасте в члены Союза писателей СССР. После такого взлета дальнейшая судьба – жизненная и творческая – складывалась неоднозначно. Короткие периоды успеха сменялись годами застоя. Его прямолинейность и безудержная тяга к справедливости никогда не приветствовались властью. Мечта поэта – независимость его малой родины Южной Осетии от Грузии – выражалась им и в творчестве, за что оно подвергалось жесточайшей цензуре.

В его произведениях находят отражение тема войны и ее последствий, тема детства как периода личного становления и формирования духовного мира лирического героя, тема поэта и поэзии, запечатлены интернациональные мотивы. В поэзии Х.-М. Дзуццати процесс творчества представлен как этап созидания, показана

гармонизация отношений человека с природой, глубоко осмысливаются философские категории. Во главу угла Х.-М. Дзуццати ставит проблему сохранения родного языка, актуализирует «значимость проблемы языковой идентичности, квалифицируя вопрос о роли и функциях языка как первостепенной важности в истории развития народа и его современного состояния… утверждает идею сохранения национального лица, кодекса чести и фарна предков» (Мамиева, 2016, с. 133).

Особенностью структурно-композиционной организации поэтических произведений Дзуццати является чередование в рамках одного стихотворения традиционных элементов стиха (катрен, ритм, перекрестная рифма) с астрофичным, рваным, нерифмованным стихом; наблюдается заимствование «ступенчатого» стиля В. Маяковского. Как представлены художественно-эстетические константы поэзии Х.-М. Дзуццати, проследим на примере его русскоязычных переводов, выполненных Б. Окуджавой.

Первые литературные опыты по переводу стихотворений Х.-М. Дзуццати на русский язык относятся к концу 1950-х годов, а уже в 1960-м году у молодого автора выходит в одном из центральных издательств страны «Советский писатель» сборник «*Ветер времени*» (Дзудцов, 1960). Часть русскоязычного издания составляют переводы Б. Ш. Окуджавы – «*Весна в Подмосковье*», «*Облака глядят с небес на землю…*», «*Ну и день! Сумасброднее дня не бывало…*», «*Разговор с временем*», «*Матери*», «*Мой гость*», «*Вдруг вчера завернула погодка*», «*Мечта*». Некоторые стихотворения в переводе на русский язык подвергнуты лексико-семантической трансформации (Дзапарова, 2020, с. 250). Ранее проведенный анализ стихотворений «*Мой гость*», «*Слова*» выявляет и излишнюю метафоризацию строк оригинала, частичное изменение формы стиха, компрессию и, наоборот, расширение исходного текста (Дзапарова, 2020, с. 250-252). Здесь нужно заметить, что автором переводного стихотворения «*Слова*» в некоторых изданиях обозначен то Б. Ш. Окуджава (Антология литературы…, 2003; 2022), то Ю. Д. Левитанский. Однако в более раннем изданном переводе этого стихотворения (сборник «*Пляска дождя*» (Дзуццати, 1964)) автором перевода указан Левитанский. По этой причине и мы, анализируя переводы поэтов-шестидесятников из осетинской поэзии (Дзапарова, 2020), ошибочно отнесли перевод этого стихотворения к переводам Б. Окуджавы.

Анализ других переведенных Б. Окуджавой текстов позволит установить основные доминанты, стратегии перевода. Сам «любимец Арбата», размышляя о поэтическом переводе, выдвигал ряд принципов, которых должен придерживаться переводчик в этой области литературного творчества: «…иногда строгое следование оригиналу не приводит к хорошим результатам»; «…стих должен звучать интересно и на языке, на который переводят»; «…я всегда придавал значение хорошему, качественному переводу»; «…прежде всего очень важно, чтобы это исходило от автора, чтобы это напоминало автора, а во-вторых, чтобы это звучало на языке, на который переведено, чтобы это естественно звучало на этом языке» (Цит. по: Чайковский, 1997, с. 16-19). Как практически применялись Б. Окуджавой вышеизложенные переводческие принципы, проследим на примере перевода стихотворений Х.-М. Дзуццати. Переводы с осетинского, как и с других языков, составляющих самостоятельный широкий пласт в литературном наследии Окуджавы (Оскоцкий, 2007, с. 13), выполнялись Булатом Шалвовичем с подстрочника, качество которого не всегда соответствовало критериям и условиям верности, не всегда подобный пословный перевод выступал «в качестве эталона точности» (Никонова, 2008, с. 183) и был гарантией адекватности текста. Поэтому художественный перевод через подобный подстрочник заведомо мог отступать от оригинала, иметь отклонения. Однако, работая с помощью подстрочника, поэт-переводчик мог самостоятельно «уловить структуру строфы, особенности ритмики и рифмовки… хотя советами, комментариями и консультациями не пренебрегал» (Оскоцкий, 2007, с. 14). Позднее поэт и сам признавался, что в некоторых переведенных текстах грешил неточностью (Бернардини, 2013; Назаров, 2012).

Сборник «*Ветер времени*» составляют стихотворения, воспевающие человека труда, в достаточной степени идеологизированные («*Степь*», «*Миллиард*»), отражающие муки творчества («*Поэту*»), горе матери, потерявшей на войне единственного сына («*Мать в трауре*»), силу времени, управляющую мирозданием («*Разговор с временем*»), и т. д. Стихотворения в переводе Б. Окуджавы разноаспектные. «*Облака глядят с небес на землю…*» – о поэтическом вдохновении. Появление стихов у автора перевода сравнивается с выстраиваемым ассоциативным рядом: облака → молния → гром → дождь (Дзудцов, 1960, с. 48). В оригинале Х.-М. Дзуццати (Дзуццаты, 2020, с. 242-243) не все аналогичные образы присутствуют: облака → небо →дождь. Рождение и сложение стихов, поэтическое творение как духовный дар сравниваются Б. Окуджавой с появлением дождя после наступившего хаоса. Как и результат мучительного процесса → созданная песня, подобно дождю, орошающему сухую землю, утоляет «жажду» человеческой души, наполняет и насыщает, гармонизируя ее. Перевод Б. Окуджавы разнится с оригиналом мыслью о том, что создание творчества есть прохождение определенного трудного пути автором, за которым и стоит создание духовных ценностей. Основная идея переводного стихотворения представлена шире оригинальной: у Х.-М. Дзуццати сам процесс рождения поэтического творения не показан. Авторская интенция, как представляется, ориентирует читателя только на окончательный результат творчества.

Переводное стихотворение «*Матери*» (в оригинале – «*Мад*» / «Мать») отражает основные интенции автора – стремление показать роль матери в жизни лирического героя. Произведение строится на мотиве воспоминаний. Образ матери занимает основное место в «ретроспективном идиллическом хронотопе» (Петрова, 2011, с. 40) стихотворения. Раскрытию основной мысли способствуют и необычные сравнения, использование синтаксических средств художественной выразительности: анафора, параллелизм (терцеты с двумя длинными строками и одной короткой). В трехстишиях первые два стиха не рифмуются между собой, третий, укороченный стих рифмуется с укороченным стихом последующей строфы. В переводе Б. Окуджавы терцеты сохраняют предложенную автором рифмовку, однако лишены других составляющих формальной организации

оригинала, например, наблюдается нивелирование анафорических строк. Переводчик усиливает впечатление от прочитанного в русском варианте, в оригинале текст не столь гиперболизирован. См.:

Фæлæ-иу хæдзары хатгай куы нæ уыдтæ, –
Гас бон изæрмæ хæтыдыстæм хъæуыйгты,
Сидзæр, æнæркаст, фыдгъуыз (Дзуццаты, 2020, с. 128). /

Но, бывало, когда не было тебя дома, –
Целый день и до вечера бродили по сельским улицам,
Сироты, беспризорные, изможденные…
(здесь и далее – перевод автора статьи. – *Е. Д.*).

Бывало, выйдешь за порог – ползут минуты длинные,
Ползут года, ползут века,
Покуда нет тебя (Дзудцов, 1960, с. 49).

Автор перевода синтезирует оба подхода в передаче смысла исходного текста: местами свободный перевод сочетается с адекватным. Отдельные отрывки в переводе Б. Окуджавы или разнятся с оригиналом (начало стиха), или пословно отражают мысль автора (финал). Прагматический эффект в переводе создается тождественной образностью, сводимой чаще к метафоризации текста. В качестве примера – обращение в финальной части стихотворения к матери: «*Уастæн уай райгонд, мæ сабион царды хур…*» (Дзуццаты, 2020, с. 128) (‘Воистину будь довольной, **детства моего солнце**…’). / «*О, здравствуй, / Ты,* ***солнце детства моего****…*» (Дзудцов, 1960, с. 50). Передача смысла исходного текста на материале языка перевода требовала привлечения дополнительных лексико-семантических средств, что особенно наблюдается в первой строфе. Б. Окуджава отражает свое собственное видение оригинала, авторская идея передается другим словесным комплексом. И поэтому отрывок трудно признать переводом осетиноязычных строк, а следует воспринимать вполне независимым от оригинала художественным текстом:

По дому ласково плыла заботливая женщина.
О, было нам тепло-тепло
От взгляда твоего (Дзудцов, 1960, с. 49).

Особенностью поэзии Х.-М. Дзуццати было отсутствие надрывности в строках. Для поэтического стиля Дзуццати характерна близость к прозаической форме, некая публицистичность. Индивидуальность поэта выражалась также в подборе слов с особым смыслом, способным дотронуться до глубинных уголков души читателя (стихотворения «*Слова*», «*Мой язык*»).

Особый поэтический эффект стихам придает тенденция сопоставления вещей и образов, иногда совсем не сопоставимых. Контрастируют между собой, по мысли Н. Г. Джусойты (1965, с. 279), высокое и обыденное, что, на наш взгляд, сближает поэзию Дзуццати с произведениями русских поэтов-шестидесятников (творчество Е. Евтушенко, А. Вознесенского) (История русской литературы…, 2014, с. 420-425).

Поэтический слог Х.-М. Дзуццати отличает и чрезмерная любовь к метафоре, персонификации, их использование отчетливо наблюдается и в переводных стихотворениях «*Вдруг вчера завернула погодка…*», «*Весна в Подмосковье*», «*Ну и день! Сумасброднее дня не бывало…*». Индивидуальная манера автора ярко прослеживается, например, в разноязычных вариантах стихотворения о переменчивой погоде ранней весной «*Æзнон æваст ныууыгъта уад йæ фæччитæ*» (‘Вчера вдруг затряс ветер свой подолы’) – «*Вдруг вчера завернула погодка…*». Перевод сохраняет образную систему оригинала («*мит дæр / цæгатвæрсты, лæнчытæм, / цъæхбын рувасау, / хъавгæйæ æрхъуызыд*» (Дзуццаты, 1962, с. 30) (‘снег тоже / на северной стороне, к ложбине, / подобно сероватой лисе, / осторожно подкрался’). / «*снег на северных склонах / прилег осторожной лисой*» (Дзудцов, 1960, с. 36); «*уазал бацæудзæн дæ хъуыры*» (Дзуццаты, 1962, с. 30) (‘холод войдет в твое горло’). / «*стужа в глотку залезет*» (Дзудцов, 1960, с. 37)). Вместе с тем сам текст Б. Окуджавы построен на многочисленных олицетворениях, местами не представленных и автором в подлиннике («*завернула погодка*» (Дзудцов, 1960, с. 36); «*возвратилась зима, поглядела сурово в лицо*» (Дзудцов, 1960, с. 36); «*бьют ключи из расселин*» (Дзудцов, 1960, с. 37)). Стихотворение в переводе выходит и за рамки исходного содержания: переводчик дописывает небольшие отрывки. Форма стиха аналогична: каждая строка разбита на сегменты. Подобная обрывистость фраз придает произведению в целом четкий ритм.

Художественные образы подвергаются определенной трансформации и в других названных переводимых стихах. Б. Окуджава наделяет осетиноязычные строки дополнительной эстетизацией, поэтизирует изображаемую действительность, вводит собственный образ там, где автор выражает мысль стилистически немаркированными языковыми средствами. Однако подобное декодирование подлинника не лишает его смысловой точности в переводе. Б. Окуджава преимущественно избегает языковой асимметрии, что было характерно для некоторых переводчиков из осетинской поэзии этого периода (Дзапарова, 2023).

Стилистической перестройке подвергнуто Б. Окуджавой стихотворение «*Læджы бæллиц*» (‘Мечта человека’) – «*Мечта*». Русскоязычный аналог воспроизводит исходный смысл в другой словесно-образной форме. Б. Окуджава выходит за рамки авторской интенции. Основу стихотворения составляют впечатления и размышления лирического героя по поводу увиденных им на вокзале в Сибири изваяний слонов. Стихотворение у Б. Окуджавы приобретает дополнительный смысл: переводчик вносит мысль о погубленных человеческих жизнях в Сибири:

Зима сибирская, сквозная, немилостивая,
Через века
хозяйкой крутой прошла,
На скольких людях
злобу свою повыместила!
Сколько добротных тулупов
навылет прожгла! (Дзудцов, 1960, с. 52).

Б. Окуджава меняет и формальную организацию поэтического произведения. Стих Х.-М. Дзуццати в русскоязычной интерпретации мелодичен, метричен, местами рифмован, чего он лишен в оригинале.

Философские размышления поэта о быстротечности времени и смысле жизни запечатлены в стихотворении «*Разговор с временем*». Произведение построено в форме обращения лирического героя к времени, которое стало очевидцем всех жизненных невзгод лирического героя. Перевод, как представляется, оказывает прагматический эффект на адресата. Реципиент также становится свидетелем сложных душевных переживаний лирического субъекта. Перевод сохраняет и свойственную оригиналу переменчивость эмоциональной тональности чередованием вопросительной, восклицательной интонации, определенной недосказанностью (обилие многоточий): «*Куда же ты, время?!*», «*Только бы навсегда… / Только бы навсегда… / Часы и года, вам длиться бы, длиться бы…*», «*Погоди хоть немного, о время, не спеши… исцели!*», «*Ты – соперник мой, время!*» (Дзудцов, 1960, с. 65-66). Стихотворение в переводе характеризуется не только наличием идейно-тематической общности с подлинником, но в целом «оказывает адекватное эстетическое воздействие на реципиента» (Солодуб, Альбрехт, Кузнецов, 2005, с. 19).

Таким образом, анализ переведенных Б. Окуджавой лирических произведений Х.-М. Дзуццати на русский язык позволяет определить разные подходы к отражению исходных текстов, сводимые, с одной стороны, к содержательно-формальной адаптации оригинала в переводе, трансформации художественных образов осетинского поэта, к дополнительной их эстетизации. Примечательно, что к подобному способу отражения художественных образов, к изменению жанровых особенностей подлинника переводчики прибегали при переводе поэзии самого Б. Окуджавы (Гущина, 2020; Сычева, Ковынева, 2021). С другой стороны, русскоязычные варианты осетинских текстов демонстрируют реализацию авторских интенций с учетом денотативного и коннотативного компонентов единиц перевода.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов.

Поэтический перевод представляет собой наиболее сложный вид художественного перевода, учитывающий многокомпонентную структуру текста. Передача поэтического мира того или иного автора – первостепенная задача переводчика, которая сводится к передаче не только общего смысла, но и слов-образов, фонетических, лексических, стилистических и др. особенностей текста-источника. Переводы Б. Окуджавы демонстрируют:

1) общность идейно-тематического содержания оригинала и перевода;
2) воссоздание прагматического потенциала подлинника;
3) сохранение архитектонической стройности текста.

Помимо вышеизложенных принципов, в ходе анализа разноязычных текстов также наблюдается:

1) расширение смыслового поля исходного текста;
2) применение синтаксических трансформаций; компенсация синтаксических стилистических средств лексическими; художественные образы местами в переводе гиперболизированы, наделены дополнительной эстетизацией;
3) комбинирование адекватного и свободного подходов: отрывки в переводе или разнятся с оригиналом, или пословно отражают мысль автора;
4) собственное прочтение оригинала: текст на русском языке получается вполне независимым художественным произведением.

В качестве перспектив для дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать необходимость анализа других переводов поэтических произведений Х.-М. Дзуццати (сборник «*Пляска дождя*») с целью выявления степени адекватности их представления в иноязычной среде, а также определения значения творчества писателя в культурном контексте эпохи.

Источники | References

1. Бернардини Д. Здравый смысл поэта. Интервью с Булатом Окуджавой // Голос надежды: Новое о Булате / пер. с итал. В. Босенко; сост. А. Е. Крылов. М.: Булат, 2013. Вып. 10.
2. Гущина П. Е. Особенности вокального перевода (на примере переводов стихотворения Б. Ш. Окуджавы «Молитва» на английский язык) // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сборник материалов VII (XXI) международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения». Томск: ТГУ, 2020. Вып. 21.
3. Джусойты Н. Незнакомое в знакомом // Дружба народов. 1965. № 11.

4. Дзапарова Е. Б. Поэзия Н. Г. Джусойты в русскоязычных переводах 1960-х гг.: сравнительно-сопоставительный анализ // Kavkaz-Forum. 2023. Вып. 15 (22).
5. Дзапарова Е. Б. Поэты-шестидесятники как переводчики осетинской поэзии // Научный диалог. 2020. № 6.
6. История русской литературы XX века: в 2 ч. / под ред. В. В. Аганесова. Изд-е 2-е, перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014. Ч. 2.
7. Мамиева И. В. Основные вехи развития осетинской поэзии: имена и тенденции // Известия СОИГСИ. 2016. Вып. 22 (61).
8. Назаров А. «Переживание неповторимо...» (О встрече с Булатом Окуджавой) // Голос надежды: Новое о Булате / сост. А. Е. Крылов. М.: Булат, 2012. Вып. 9.
9. Никонова Н. Е. Подстрочник поэтического текста: история, типология и роль в межкультурной коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1.
10. Оскоцкий В. Д. Булат Окуджава – переводчик (Из наблюдений. Заметки) // Миры Булата Окуджавы: материалы третьей международной научной конференции. М.: Соль, 2007.
11. Петрова М. А. Ретроспекция как способ построения лирического сюжета в поэзии С. А. Есенина: мотив воспоминаний // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия «Филологические науки». 2011. № 4.
12. Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода. М.: Академия, 2005.
13. Сычева А. В., Ковынева Е. А. Проблемы дифференциации поэтического жанра песенки и специфика его воссоздания средствами английского языка (на материале поэзии Б. Окуджавы) // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 1 (25).
14. Чайковский Р. Р. Поэтический перевод в зеркале мнений (15 интервью). Магадан: Кордис, 1997.

Информация об авторах | Author information

RU

Дзапарова Елизавета Борисовна[1], к. филол. н.
[1] Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук, г. Владикавказ

EN

Elizaveta Borisovna Dzaparova[1]
[1] V. I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies – the branch of the Vladikavkaz Science Centre of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

[1] *l-dzaparova@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.11.2024; опубликовано online (published online): 28.12.2024.

Ключевые слова (keywords): художественный перевод; осетинская поэзия; Х.-М. Дзуццати; Б. Ш. Окуджава; переводческие принципы; интенции автора; literary translation; Ossetian poetry; Kh.-M. Dzuttsati; B. Sh. Okudzhava; translation principles; author's intent.